

СУБЪЕКТ ХОЗЯЙСТВА И «АВТОРИТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ» А. А. БОГДАНОВА

*Работа представлена кафедрой философии
Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.
Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент О. Д. Маслобоева*

В статье рассматривается философия хозяйства как направление, объединяющее экономическую теорию и философский дискурс, а также теоретическая сущность процесса формирования субъект-объектных отношений в процессе хозяйственной деятельности и их закономерной эволюции в субъект-субъектные отношения, раскрытый А. А. Богдановым в книге «Авторитарное мышление».

***Ключевые слова:** философия хозяйства, субъект хозяйства, социально-экономическое развитие, самоорганизация, авторитарное мышление.*

A. Tsoy

SUBJECT OF ECONOMY AND “AUTHORITARIAN THINKING” BY A. A. BOGDANOV

The paper is devoted to philosophy of economy as a trend uniting the economic theory and the philosophical discourse and also to the theoretical essence of subject-object relations forming during the economic activity process and their natural evolution into subject-subject relations, revealed by A. A. Bogdanov in his book “Authoritarian Thinking”.

***Key words:** philosophy of economy, subject of economy, social and economic development, self-organisation, authoritarian thinking.*

Современная экономическая наука нуждается в парадигмальном развитии, которое возможно в контексте эволюции науки в целом. Методологическим основанием этого

процесса является выработка системы категорий, отражающей текущую ситуацию места и роли человека в структуре бытия в целом и в обществе в частности, поскольку

объектом нашего исследования выступают социально-экономические процессы. Необходимость осмысления категориальной системы, адекватной проблемной направленности философской рефлексии, подчеркивается авторами в области социальной философии [4, с. 26, 36].

Системность мышления, адекватная организованности мироздания, прочно вошла в современную исследовательскую стратегию. Направленность развития философии в процессе перехода от традиционной культуры к модерну и постмодерну отражается в перемещении акцента с доминирования категории «субстанция» к категории «субъект». Взаимосвязь философии и экономической теории, осуществляемая в современных условиях пока преимущественно спонтанно, включает в себя указанную эволюцию категориального основания теоретического познания. Современная экономическая наука постепенно трансформируется в философию хозяйства, которая нацелена на исследование «экономики в виде живого целого», что подразумевает «первый круг проблем, принадлежащих предмету философии хозяйства, – отношение экономики к человеку вообще и к неэкономическим определениям человека» [3, с. 40]. Исследование экономики как живого целого методологически требует нахождения центрального элемента, обуславливающего органическое единство всех элементов хозяйственной деятельности, в которой «имманентно присутствует мораль, политика, религия и т. д.» [3, с. 41]. Таким центром, с нашей точки зрения, выступает субъект хозяйственной деятельности, поскольку «простейшее определение хозяйства как целого» заключается в раскрытии того, «что творит человек экономический» [3, с. 41].

Таким образом, философия хозяйства – это направление, объединяющее экономическую теорию и философский дискурс, что позволяет сделать социально-экономическую деятельность более отрефлексированной. Если в свое время экономическая теория исхо-

дила из того, что торговля – источник богатства, затем земля и труд выступают в той же роли, то сегодня все более осознается, что источником богатства выступает сам субъект. Интересно отметить, что история нобелевских премий в области экономики также представляет собой отражение эволюции исследования социально-экономической реальности от теории субстанции к теории субъекта [6, с. 146].

Категория «субъект» постепенно вызревала в истории культуры. Данная категория не синонимична категориям «человек» и «личность», хотя развивалась в их контексте, и выявление закономерностей деятельности субъекта связано с данными категориями. Категория «субъект» означает человека, функционирующего в ситуации поляризации «субъект – объект» с целью постановки и реализации собственных задач. Формирование человеческой личности в роли развитого субъекта происходило в истории культуры постепенно, что этимологически отразилось в контексте эволюции категорий «субстанция» и «объект».

Категории «субъект» и «объект», как и все фундаментальные типы мировоззрения, возникают уже в античности. Категория субъект происходит от латинского слова *subjectus* – «лежащий внизу, находящийся в основе», элементами которого являются приставка *sub-* – под- и корень *-jacio-* – «бросаю, кладу основание». Субъект в современном смысле означает носителя свободной целенаправленной деятельности, как материальной предметно-практической, так и духовной, в том числе познавательной; в более широком смысле, источник активности, направленной на объект.

Категория «объект» происходит от позднелатинского понятия *objectum* – «предмет», корень которого *-objicio-* – «бросаю вперед, противопоставляю». Объект обозначает то, что противопоставлено субъекту, на что направлена активность субъекта. Категория «объект» не тождественна категории «объект»

тивная реальность», а обозначает только те элементы объективной реальности, с которыми субъект вступает во взаимодействие.

Однако указанный современный смысл терминов «субъект» и «объект» складывался постепенно. Аристотель как энциклопедический ум античности использовал термин «субъект» в двух смыслах: с одной стороны, для обозначения индивидуального бытия, и с другой – для обозначения материи как не оформленной субстанции. Составленная Аристотелем таблица из десяти категорий открывается категорией «сущность (субстанция)»: от латинского *substantia* – «сущность, нечто, лежащее в основе». Как видим, «субъект» и «сущность» – это однокоренные слова. Аристотель отождествлял субстанцию с первой сущностью, характеризуя ее как основу, неотделимую от отдельной вещи, обладающей индивидуальностью, т. е. в аристотелевской концепции в развертывании категории «субъект» доминирует смысл субстанциальности, а не индивидуальности бытия.

В дальнейшей истории философии категория «субстанция» использовалась в следующих основных смыслах: как субстрат, как конкретная индивидуальность, как сущностное свойство, как то, что способно к самостоятельному существованию, как основание и центр изменений предмета, как логический субъект [5, с. 660]. После аристотелевского энциклопедизма категория «субъект» обозначает преимущественно субстанциальные формы бытия и в эпоху Нового времени во взаимосвязи с категорией «объект» начинает приобретать современное смысловое содержание, что во многом связано с нарастанием значимости человеческой деятельности и соответственным уровнем свободы. Проблема экономической свободы востребована в современной теории, поскольку имеет непосредственный выход на организацию и дезорганизацию экономики, степень целесообразности ее функционирования. Исследование субъекта хозяйственной деятельности способствует развитию экономической свободы.

Ключевое значение категории «субъект» для современной теории предполагает выявление не только этимологии данного понятия, но и генезиса самого феномена в исторической реальности. В этом отношении особый интерес представляет концепция авторитарного мышления А. А. Богданова. Как известно, автор «Тектологии» одним из первых разрабатывал идеи системности и организации. В более ранней небольшой работе «Авторитарное мышление» А. А. Богданов, по сути, раскрывает, каким образом социальная организация эволюционирует в самоорганизацию в непосредственной взаимосвязи с развитием субъектности человека.

Что такое авторитарное мышление? По мысли А. А. Богданова, сущность его заключается в «идее безусловного подчинения одних элементов жизни, как по существу низших, другим, как по существу высшим» [1, с. 96], а авторитарные отношения – те, «в которых действия одного человека прямо определяются выражаемой волею другого» [1, с. 112]. В авторитарных отношениях человек выступает и в роли субъекта, и в роли объекта. Субъект – это «организатор хозяйства группы» [1, с. 129], исполнители же выступают в роли объекта манипулирования волей субъекта – организатора.

Генезис субъекта и самой социальной субъектности связан, по мысли А. А. Богданова, с монистическим восприятием мира, в результате которого человек организует собственную жизнедеятельность по аналогии с организацией окружающего мира: «Он видит движение солнца, течение воды, слышит шелест листьев, ощущает дождь и ветер, и для него всего легче представлять все это таким же способом, каким представляет он свою общественно-трудовую жизнь; за внешнею силой, которая прямо действует на него, он предполагает личную волю, которая ее направляет; и хотя эта воля для него невидима, тем не менее она непосредственно достоверна, потому что без нее ему непонятно явление. Так возникают “души вещей”... Тогда, в

силу монистической тенденции, в силу стремления представлять все в одних и тех же формах, происходит мысленное разложение человека на организатора и исполнителя, на активное и пассивное начало; исполнитель доступен внешним чувствам – это физиологический организм, тело; организатор им недоступен; он предполагается внутри тела; это – духовная личность. В существо видимое “интроецируется” (вкладывается) существо невидимое» [1, с. 115]. Русской философии, непосредственно в лице органицизма и космизма XIX–XX вв., концептуальное единство с принципами которого характерно и для А. А. Богданова, свойственно понимать структуру мироздания как активность субстанциальных деятелей природной и социальной реальности [2].

Итак, человек может выступать как в роли субъекта, так и в роли объекта: человеческая личность – это «соединение активного, творческого, высшего начала – духа – с пассивным, инертным, низшим началом – материей; оно же выступает в объяснении природы вообще, когда в ней разграничивают мир таинственных высших сил, которые действуют из себя и сами по себе, и обыденных, низших объектов, которые под влиянием этих сил движутся и изменяются, которые во всем определяются извне» [1, с. 97]. В результате на эмпирическом уровне авторитарное мышление выражается «в безусловном подчинении и поклонении людей другим людям или каким-нибудь элементам природы, общественной и внешней» [1, с. 97].

Хотя человек может выступать в обеих ролях, но исторически социальная организация закрепляла за личностью ее статусную характеристику как субъекта или объекта социально-экономических отношений, что детерминировалось общественным разделением труда. По мысли А. А. Богданова, на этапе первобытной общины разделение труда практически отсутствует, имея своей основой чисто физиологические различия особей и обеспечивая однородность трудовой психо-

логии людей, которая составляет сущность бытия человека как индивида. Как известно, категория «индивид» обозначает природную сторону бытия человека. Начало первобытной истории характеризуется отсутствием социальной организации как таковой: «при таких условиях трудовые действия отдельных людей сравнительно самостоятельны: приготавливая себе топор из острого камня... каждый обходится в большинстве случаев без помощи других людей... Только изредка возникает необходимость в прямом коллективном объединении трудовых действий... когда требуется выполнить работу, превосходящую размер сил отдельного человека – защиту от сильного врага, постройку жилища и т. п. Итак, здесь труд, вообще говоря, *неорганизован*; общественно-организованные действия представляют почти исключение» [1, с. 98].

Организация труда социальна: индивид как носитель природы вида *Homo sapiens* должен социализироваться. Личность, а затем и субъект рождается из индивида в процессе развития социальной организации труда как ядра хозяйственной деятельности, т. е. вне социальности, вне организации хозяйственной деятельности субъект в принципе невозможен.

По мере усложнения хозяйственной деятельности первобытной группы начинается осуществление разделения труда и специализация, которые внутренне противоречивы по результатам, поскольку, с одной стороны, без этого невозможно рождение из индивида индивидуальности и, соответственно, личности, но, с другой стороны, это приводит к односторонности, неполноте жизни и раздроблению человека: «Если так, то первобытный человек, который почти не знает разделения труда, имеет перед людьми более развитой культуры одно несомненное преимущество, именно, большую цельность жизни: он стереотипно отражает в своей психике всю полноту существования, какую обладает его группа. Но эта цельность стоит немногого: сумма жизни сознания

здесь вообще так ничтожна, что по сравнению с современной жизнью, как бы ни была последняя одностороння и дисгармонична в своих проявлениях, представляется просто несоизмеримо малою. Это – цельность недифференцированного зародыша, низшего организма, это только простота, а не гармония, результат слабости, а не силы» [1, с. 98–99].

Зародыши разделения труда, будучи непосредственно связаны с развитием его организации, приводят в конце концов к появлению авторитарных отношений: «Пока группа еще не велика, и дело организации труда не очень сложно, организующая деятельность может выполняться всеми членами группы сообща... но с расширением и усложнением производства это становится все менее возможно. Для среднего члена группы, не отличающегося ни большою опытностью, ни особенными способностями, вопросы о распределении труда и продукта оказываются слишком сложными... Организаторская деятельность шаг за шагом обособляется и становится специальностью одного члена группы, если не наиболее способного, то наиболее опытного, старейшего в роду. Получается патриархально-родовая организация. <...> Патриарх – есть общий организатор производства и распределения; остальные члены группы – исполнители его воли. <...> Это уже авторитарный тип трудовых отношений, выступающий здесь пока еще в наиболее простой своей форме. <...> Уже в патриархальной группе, по мере ее роста, происходит частичное разделение организаторского труда. <...> Получается такая система отношений, в которой у высшего организатора есть несколько исполнителей, являющихся в свою очередь организаторами для остальных членов рода» [1, с. 99–100].

Из патриархальной группы вырастает широко разветвленная сеть феодальных организаций: «В этой развертывающейся цепи личность, стоящая в самом низу и играющая безусловно исполнительскую роль, совершенно подавлена тяготеющею над нею мас-

сой авторитетов», при этом «гораздо более законченную форму авторитарной организации представляют деспотические монархии восточного типа» [1, с. 101].

Авторитарные отношения характеризуются консервативностью, фетишизмом высшего и низшего, абсолютизацией противопоставления таинственного, непознаваемого, с одной стороны, и обыденного – с другой.

А. А. Богданов раскрывает как прогрессивное развитие, так и деградацию авторитарного сотрудничества, которая выступает как «крайнее развитие господства и подчинения» под влиянием денежного обмена: «Денежный обмен порождает, как известно, безграничную жажду накопления; вследствие этого организатор начинает пользоваться исполнителем исключительно как орудием приобретения денег, средством получить прибыль; он уже не столько организатор группового производства, сколько организатор эксплуатации; следовательно, его действиями руководят по преимуществу не интересы группового производства, а интересы эксплуатации... продолжительное сохранение таких форм ведет к полной или частичной общественной деградации, к вырождению обоих классов, и господ и рабов» [1, с. 102–103]. Господин в такой ситуации утрачивает свою субъектность, поскольку уже сам себе не хозяин, что глубоко отражено в знаменитом гоголевском образе Плюшкина.

Прогресс авторитарных отношений выливается, по мысли А. А. Богданова, в развитие «условного подчинения, преобладающего в современном капиталистическом обществе»: «Предприниматель, нанимая рабочего, приобретает власть над его трудовой энергией; рабочий подчиняется приказаниям предпринимателя; но и власть, и подчинение ограничиваются условиями договора... вне этих условий и власть и подчинение прекращаются – предприниматель перестает быть организатором, а рабочий исполнителем» [1, с. 103]. Это уже не чисто авторитарный тип

сотрудничества, а смешанный с анархическим, который характеризуется тем, что «отдельные лица или группы самостоятельно друг от друга выполняют свою общественно-трудовую деятельность, так что производство в целом неорганизовано; нет единой воли, которая бы его контролировала и направляла; только в процессе обмена обнаруживается взаимная зависимость производителей, только стихийная сила рынка с его колебаниями цен регулирует общественный труд, делая поочередно выгодными и невыгодными те или иные его отрасли» [1, с. 139].

Условность подчинения заключается в том, что рабочий обладает формальной свободой продавать свою рабочую силу на рынке. Личность выступает субъектом в той степени, в какой она реализует свою свободу. Стихия рынка, заменяя сознательную деятельность организатора, способствует преодолению консерватизма авторитарной психологии, неизбежность которого А. А. Богданов объясняет тем, что, во-первых, организаторская работа чрезвычайно сложна по сравнению с исполнительской и требует от организатора непрерывных затрат психической энергии; а во-вторых, реакционность старых авторитетов-организаторов закрепляется в силу грубо материальных интересов.

Отсутствие централизованной организации порождает конкуренцию, способствующую экономическому и технологическому прогрессу: «Психология анархических трудовых отношений не может быть консервативной, потому что среди этих отношений неподвижность и застой означают неспособность к борьбе и смерть» [1, с. 109].

Таким образом, субъектность *Homo sapiens* сформировалась на основе авторитарной психологии, а затем в результате расширения производства и обмена развивается на основе анархических отношений. Авторитарная психология обуславливает организованность хозяйства, атрибутом которой выступает консерватизм, поэтому дальнейшее развитие субъекта хозяйства осуществ-

ляется посредством перехода в противоположность, т. е. посредством анархических трудовых отношений, которые носят неорганизованный характер. Становление социального субъекта, возрастание личностного начала в обществе осуществляется в соответствии с развитием уровня свободы в обществе.

Современная эпоха, по мысли А. А. Богданова, порождает качественно новый тип еще более прогрессивных трудовых отношений, который он называет «синтетическим» и связывает с развитием так называемых демократических организаций. Сущность «синтетических» отношений заключается в том, что «трудовая система организована, но без разделения организаторов и исполнителей». Основным условием такой организации является наличие достаточно сплоченной группы людей, однородного высокообразованного психического типа: «Они сообща обсуждают и решают свои дела и сообща выполняют решения; каждый является организатором, когда участвует своим мнением и голосом по выработке общей воли, исполнителем, когда участвует своими действиями в осуществлении этой воли. Таким образом, и деятельность организаторская, и деятельность исполнительская в равной мере принадлежат данной личности; а в своем целом, во всей полноте та и другая реализуются только в жизни всей группы» [1, с. 110].

Синтетический тип трудовых отношений объединяет преимущества авторитарных и анархических отношений, будучи при этом свободен от их недостатков. Позитивный потенциал авторитарного типа – это организованность, негативная сторона – «узость индивидуальной психики (особенно исполнительской, массовой)» и нарастание консерватизма. Позитивный атрибут анархических трудовых отношений – их динамичность и объективно обуславливаемая прогрессивность, которая, однако, в силу своей стихийности чревата антагонистическими противоречиями по причине сохраняющейся специализации субъектов хозяйства. В синтетиче-

ских формах устраняется прежний тип специализации. Прогрессивность синтетического типа трудовых отношений «основывается на широком, непрерывном общении многих человеческих личностей, которые, хотя и однородны по высоте психического типа, но различаются, конечно, по жизненному материалу, так что в своем взаимном приспособлении они непрерывно обогащают психику друг друга новыми элементами. Вследствие этого синтетические трудовые отношения создают тем более прогрессивную психологию, чем шире их круг...» [1, с. 110].

Синтетически-организованное общество – это общество субъект-субъектных отношений, о котором фактически в свое время писал Сен-Симон, утверждая, что на место управления людьми должно прийти управление вещами и процессами. А. А. Богданов определяет два условия развития таких отношений: приблизительно равный современный (достаточно высокий) уровень культурного развития человеческих личностей, образующих социальную общность, с одной стороны, и достаточное разнообразие содержания жизненного опыта этих личностей – с другой. Именно разнообразие индивидуальной и коллективной психологии социального субъекта выступает неисчерпаемым источником новых и новых стимулов движения вперед. От удельного веса наличия личностного начала в обществе зависит развитие субъект-субъектных отношений между людьми.

Знание скрытых связей – пружин организации бытия должно быть широкодоступно, чтобы развивались субъект-субъектные отношения, поэтому все более значимую роль в этом процессе начинает играть наука как «процесс организации общественно-трудового опыта» [1, с. 154–155]. Но если в начале XX в. данная роль науки была осознана как необходимость разработки научной организации труда, то с конца прошлого века наука в форме синергетики исследует законы самоорганизации сложных динамических открытых нелинейных систем.

То, что А. А. Богданов призывает представить как возможные субъект-субъектные отношения между людьми, в его терминологии «синтетические отношения», проявляет себя не просто как медленное эволюционное и потому, как правило, не сразу заметное развитие личностного начала в обществе, но и в ярких примерах современной хозяйственной деятельности. Одним из таких примеров является бразильская компания Semco SA, возглавляемая Рикардо Семлером [7]. Это компания, где сотрудники сами решают, когда и сколько им работать, в чем ходить на работу, назначают себе зарплаты, принимают ключевые бизнес-решения и выбирают боссов. Однако до 1980 г. Semco была ничем не примечательной компанией традиционного типа, поставляющей оборудование для судостроения. Основатель компании Антонио Семлер надеялся, что его сын Рикардо продолжит его дело. Однако Рикардо, приняв бразды правления и стремясь диверсифицировать бизнес, для начала уволил 60% топ-менеджеров, которые, как выяснилось, являлись хранителями корпоративных секретов и считали себя незаменимыми. Тем самым, очевидно, был сделан первый серьезный шаг по преодолению авторитарных отношений в компании. Рикардо собрал новую команду талантливых и успешных управленцев и сам работал почти круглосуточно, чтобы повысить производительность компании. В результате сам Семлер оказался на грани физического истощения и отношения с сотрудниками были достаточно напряженными. Задумавшись, как можно найти баланс между высокоприбыльной работой и личной жизнью, причем не только для себя, но и для сотрудников, Рикардо проработал массу литературы по менеджменту. Однако помог ему непризнанный специалист в этой области, директор небольшой школы Кловис Бохикиан, попавший в опалу во времена бразильских диктаторов за то, что учил студентов ставить под

сомнение авторитеты. Основная идея Бокиньяна заключалась в том, что, если вовлекать сотрудников в процесс принятия важных решений, они становятся более мотивированными, чем те, кто просто выполняет указания, спущенные свыше. В других компаниях такие инновационные подходы не были приняты. Однако Семлер не побоялся такого эксперимента, и опыт показал, что чем больше свободы он предоставлял своим сотрудникам, тем более продуктивно они работали, тем более лояльными становились, тем успешнее развивалась компания... Особенно в трудные для экономики страны времена, Семлер и Бокиньян получили убедительные подтверждения того, что свободные сотрудники – это честные и ответственные люди и что давление со стороны равных стало эффективным саморегулирующим механизмом успешного развития компании.

Заслуга А. А. Богданова заключается не просто в том, что он, по сути дела, раскрыл теоретическую сущность процесса формирования субъект-объектных отношений в процессе хозяйственной деятельности и их закономерную эволюцию в субъект-субъектные отношения, но и в том, что он призывает осознать опасность сохранения авторитарных форм: «Надо ясно представлять основные черты отживающего принципа, чтобы разглядеть их во всяком переодевании и при всяком освещении. Особенно там, где мы встречаемся с людьми, которые говорят нам, что нельзя жить без идолов и фетишей, без абсолютного и непознаваемого, надо твердо помнить, что это те люди, которые стремятся быть рабами и иметь рабов» [1, с. 156]. Старая авторитарная психология отстывает, но не сдается, тормозя тем самым развитие субъекта хозяйственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданов А.* Авторитарное мышление // Богданов А. Из психологии общества: Статьи 1901–1904 г. СПб., 1904.
2. *Маслобоева О. Д.* Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. М.: Академия, 2007.
3. *Миропольский Д. Ю., Попов А. И.* Экономическая теория и философия хозяйства: отождествление, различение, противоположение // Известия СПбУЭФ. 2005. № 3.
4. Новые идеи в социальной философии. М.: 2006.
5. *Субстанция* // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
6. *Цой А. К.* Проблема субъекта в истории философской и экономической мысли // Известия СПбУЭФ. 2007. № 2.
7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-xecutive.ru/publications/aspects/nr/article/5970/>